

чудовищные, права, которые можно было так или иначе изобразить в качестве взимания платежей за владение или пользование землей, - права *реальные*, по выражению законодателей (т. е. права на *вещи*, *res* - по-латыни *вещь*). Сюда входили не только разные виды поземельной аренды, но и всевозможные платежи деньгами и натурой, различные в различных местностях, установленные при отмене крепостного права и в то время связанные с владением землей. Все эти платежи были занесены в земельные записи (*terriers* - уставные грамоты) и часто продавались или уступались третьим лицам.

Теперь все феодальные платежи всех наименований, а также и десятина духовенству, имевшие денежную ценность, *были сохранены полностью*. Крестьяне получили *только право выкупа этих платежей*, если когда-нибудь сойдутся в цене с помещиком. Собрание же не назначало ни срока для выкупа, ни размеров его.

В сущности, за исключением того факта, что первым пунктом постановлений 5–11 августа был поколеблен самый принцип феодальной собственности, все, что касалось платежей, считавшихся *связанными с землей*, осталось по-старому, и муниципалитетам было поручено образумить крестьян в случае, если бы они вздумали не платить. Мы видели, с какой жестокостью некоторые из них принялись умирять крестьян¹.

Мы видели также из приведенного выше примечания Джемса Гильома, что, придав своим августовским решениям характер простых постановлений (*arretes*), Собрание делало для них излишним утверждение королем. Но тем самым оно отнимало у них характер законов до тех пор, пока они не выльются в форму конституционных декретов, и таким образом лишало их всякой обязательности. По закону ничего еще не было сделано.

Но и эти постановления показались помещикам и королю слишком крайними. Король старался выиграть время и затянуть обнародование их; 18 сентября он еще только обратился к Национальному собранию со своими «возражениями», приглашая Собрание одуматься; решился он на обнародование августовских постановлений только 6 октября, после того как женщины привезли его в Париж и отдали под надзор народа. Но тогда Собрание в свою очередь ничего не делало; оно обнародовало свои постановления только 3 ноября 1790 г., разослав их провинциальным парламентам (судебным учреждениям). В сущности, постановления 5–11 августа никогда не были по-настоящему обнародованы.

Понятно поэтому, что крестьянские восстания должны были продолжаться. В докладе, представленном Собранию от имени Феодального комитета в феврале 1790 г. аббат Грегуар показал, что начиная с января крестьянское движение разгорелось с новой силой, распространяясь от востока к западу.

В Париже тем временем, начиная с 6 октября, реакция уже сделала, однако, значительные успехи; и когда под влиянием доклада Грегуара Национальное собрание принялось за рассмотрение феодальных прав, его законодательная работа уже оказалась проникнутой реакционным духом. Оно «одумалось». Декреты, изданные им от 28 февраля до 5 марта и 18 июня 1790 г., вели уже к *закреплению феодального порядка во всех его существенных чертах*.

Таково было (как видно из документов того времени) и мнение тогдашних деятелей, стремившихся к уничтожению феодализма. О декретах 1790 г. они говорили, как о законах, *восстанавливающих феодализм*.

Во-первых, в них сохранилось и подтвердилось различие между правами *почетными*, отнимавшимися без выкупа, и правами *полезными*, которые крестьяне должны были выкупать. Мало того, так как некоторые личные феодальные права были включены в число прав *полезных*, эти последние оказались «вполне отождествленными с простой земельной рентой и другими земельными платежами»².

¹ Эти факты, идущие вразрез с преувеличенными похвалами, которыми многие историки осыпают Национальное собрание, были изложены мной первоначально в одной статье, написанной по поводу 100-летней годовщины Великой революции и помещенной в английском журнале «The Nineteenth Century» в июне 1889 г., а затем в ряде статей в газете «La Revolt» от 1892 до 1893 г., появившихся отдельной брошюрой в Париже под заглавием «La Grande Revolution».

С того времени работы Саньяка (*Sagnac Ph. La legislation civile de la Revolution francaise. 1789–1804. Essai d'histoire sociale, 1898*) подтвердили мой взгляд. Впрочем, дело шло вовсе не о *толковании фактов*, а о самих *фактах*. Сами же факты даны законами. Чтобы убедиться в этом, стоит только обратиться к любому своду законов французского государства, хотя бы к известному юридическому словарю Даллоза. Там приведены в подлинниках или в точном изложении все законы, касающиеся поземельной собственности, частной и общинной, которых мы не находим у историков. Я нашел их в первый раз у Даллоза, и именно изучая эти тексты законов, мог понять смысл Великой революции. Они даны также в других сборниках.

² «Всякие почетные отличия, высшие положения и власть, связанные с феодальным строем, уничтожаются. Что же касается до тех полезных прав, которые будут существовать до выкупа, то они вполне отождествляются с простой земельной рентой и другими земельными платежами» (закон 24 февраля 1790 г., ст. 1, 1 отдела).